

АЛЕКС НОРИЧ

Если можешь, не оглядывайся

ТЕНЬ

МИРАЖА

18+

Алекс Норич
Тень миража

«ЛитРес: Самиздат»

2020

Норич А.

Тень миража / А. Норич — «ЛитРес: Самиздат», 2020

После неудачного студенческого романа она закрыла для себя тему романтики и дружбы, живя в режиме "работа-дом-работа". Неожиданно на вечере встречи выпускников ей удастся подружиться с теми, кто раньше не обращал на нее внимания. Жизнь начинает играть новыми красками, но ненадолго: ее новую подругу находят мертвой, и теперь ей придется вернуться в свое одиночество или найти убийцу. Она выбирает второе - и внезапно люди из прошлого начинают заполнять настоящее и приводят с собой незнакомцев. Вдруг выясняется, что у многих была причина для убийства. Смерть второй подруги приводит ее к пониманию, что она затеяла опасную игру с кем-то, для кого убийство - лишь удобное средство достижения цели.

© Норич А., 2020

© ЛитРес: Самиздат, 2020

Содержание

I	5
Конец ознакомительного фрагмента.	27

Алекс Норич

Тень миража

I

3 ноября

Рыжей больше нет. Еще вчера она оживленно рассказывала мне что-то по телефону, а я, морщась от напора льющихся на меня эмоций, пыталась сосредоточиться на деталях текста на экране компьютера. Ей не терпелось со мной встретиться, потому что «позарез» нужно было посоветоваться. А мне позарез нужно было закончить текст договора (надо мной дамкловым мечом висел очередной дедлайн), – и мы с рыжей договорились на пятницу. Сегодня четверг, рыжую убили вчера, и я уже никогда не узнаю, что она собиралась мне рассказать. История нашей недолгой дружбы прервана, и мне предстоит вернуться в неизбежное одиночество.

* * *

11 сентября

Я стою перед шкафом и уныло веду рукой по рукавам свитеров, пиджаков и блузок, внезапно осознав однообразие своего гардероба: все вещи серые, или синие, или черные, какого-то особенно невзрачного оттенка. Редкие проблески белого ничего не меняют, потому что из всей его богатой палитры я всегда выбираю самый тусклый, самый «не белый» вариант. Все, чтобы не выделяться, чтобы не быть случайно замеченной – ни в метро, ни на улице, ни в офисе. Впрочем, носи я даже кричаще красный, избыточное внимание мне не грозит: заурядные данные сложно изменить одеждой, а к своим тридцати двум годам я уже не питаю иллюзий относительно собственной внешности. Откровенно говоря, осознание пришло ко мне намного раньше, еще в школе, лет в пятнадцать-шестнадцать, когда вокруг разворачивались яркие истории первой любви моих одноклассниц, а я делала вид, что «отношения мне не интересны». Как это типично для серых мышей, да?

Поначалу-то мне казалось, что у меня неплохие шансы: я ведь очень светлая блондинка. Но очень быстро обнаружилось, что к светлым волосам должно прилагаться кое-что еще: выразительные, а не простоватые, как у меня, черты лица, длинные ноги, узкие бедра... Да и самих волос требуется больше. Мои же собирались в чахлую косицу, которую приходилось основательно потеребить перед выходом из дома, чтобы она казалась пышнее. Позже, в универе, я, конечно же, предпринимала попытки усовершенствовать свою внешность, следуя бесчисленным рецептам из глянцевого журнала и интернета. Отрезала волосы – и оказалось, что на тонких светлых волосах стрижка смотрится так же плохо, как и школьная косица. Честно приседала по утрам и бегала вечерами, но моя фигура не желала переформатироваться. Я покупала яркие вещи, которые мне не шли, и делала макияж, который превращал меня из невзрачной простушки в простушку, молящую о том, чтобы ее заметили. В конце концов я сдалась, устав вести заранее проигранную войну за внимание мужчин, и мой гардероб наполнился одеждой, серость которой компенсировалась (для моих сегодняшних целей) соответствием офисному дресскоду. Я ведь юрист, скучный специалист по корпоративному праву – как еще мне одеваться?

Не то чтобы у меня никогда не было отношений с мужчинами. Первое высшее я получила не где-нибудь, а в Бауманке – вузе, который славится двумя вещами: невыносимо сложной программой и радикальным демографическим перекосом. В нашей группе, кроме меня, училась лишь одна девушка, и, само собой, без мужского внимания мы не оставались. В сво-

его парня я влюбилась отчаянно. Максим был высок, красив, атлетичен и выступал за университетскую команду по баскетболу. На первом курсе он, кажется, встречался с другой девушкой, не из Бауманки. Да что там «кажется»! Конечно же, встречался, просто мне негде было ее увидеть. Я даже не смотрела в его сторону: молодой человек был абсолютно не моей лиги, с тем же успехом можно было мечтать о голливудской звезде. Однако на втором курсе Макс неожиданно обратил внимание на меня. Сначала я не поверила своему счастью, но потом, разумеется, решила, что он смог увидеть во мне то, что скрыто за немодной внешностью – личность и интеллект. А может, наивно надеялась я, ему даже нравится мой тип внешности? Мало ли худых и длинноногих? Они все друг на друга похожи, а во мне есть что-то особенное. Четыре года учебы пролетели незаметно. Год за годом я добросовестно писала ему курсовые. Как же иначе: ведь он столько времени проводил на межвузовских соревнованиях, что ему было совершенно не до них, а мне так хотелось быть полезной своему парню. Наступил выпускной курс – месяц за месяцем я не высыпалась, блуждала по общаге с синими кругами под глазами и бессмысленным взглядом смотрела на окружающий мир. Ничего удивительного: мне нужно было написать сразу два диплома, себе и Максиму, попутно объясняя ему суть его работы, чтобы он мог нормально защититься. И он защитился блестяще... и тут же меня бросил. Уже на церемонии вручения дипломов с ним рядом оказалась девушка изумительной красоты, которая наверняка и раньше присутствовала в его жизни. Разумеется, Макс меня с ней не знакомил. Контраст между нами был разительным. За последний курс я пристрастилась к сигаретам, что не помешало мне набрать восемь килограммов, при том, что я и раньше не была очень стройной. Говорят, что курение способствует худобе, но на себе я этого не заметила. Хотя, возможно, без него я набрала бы шестнадцать, кто знает? И с этим ничего нельзя было поделать, ничего: сигареты проясняли мозг и помогали думать, а еда... Если бы я не ела все время, как мышь, то не сделала бы ни одного диплома, а мне нужно было написать два. Впрочем, даже в лучшей форме у меня не было шансов конкурировать с его девушкой, поэтому круги под глазами и увесистый зад не сыграли никакой роли.

Я была наивна до идиотизма, за что и поплатилась нервным стрессом и затяжным периодом то ли депрессии, то ли апатии. В течение года после расставания с Максом у меня выпала половина волос (они потом выросли снова, но в тот момент мне казалось, что голова навсегда останется лысой), я набрала еще семь килограммов и закрыла для себя тему отношений. Но нужно было жить, на что-то и чем-то, поэтому я нашла временную работу и отправилась получать второе высшее – юридическое. Как ни странно, затея оказалась удачной: со временем стало ясно, что занудные флегматики вроде меня очень неплохо справляются с многочисленными нюансами корпоративного права.

И вот, к тридцати двум годам, я живу в полном одиночестве в съемной однокомнатной квартире на Щелковской. Хотела бы завести собаку, но в чужом жилье это невозможно. Могла бы снимать квартиру получше, но откладываю деньги на покупку собственной, а потому экономлю практически на всем. У меня нет университетских друзей, нет никаких связей с прошлым: я почти перестала приезжать в родное Пушкино, только на новогодние праздники, чтобы маме не было скучно. Все, что у меня осталось из прошлой жизни – это пристрастие к сигаретам и приступы компульсивного пищевого расстройства. Мое единственное хобби – если такое занятие можно назвать хобби – просмотр журналов и картинок в интернете, посвященных дизайну интерьеров. Я мечтаю о собственной квартире, о том времени, когда буду делать ремонт по своему вкусу, с упоением выбирая оттенки краски, фактуру паркета и плитку для кухни, неторопливо обставляя ее, выискивая штучные экземпляры мебели в антикварных группах фэйсбука. Дизайн моей квартиры будет нью-йоркским. Я обожала Нью-Йорк, и поездка туда была еще одной мечтой, которую я надеялась когда-нибудь осуществить. Говорят, что это город экстравертов, но я знаю, что интровертам вроде меня он способен дать не

меньше. Шумный мегаполис, где каждый занят своей жизнью, где можно быть одиноким, но не чувствовать одиночества. Город для таких, как я.

У меня нет связей с прошлым. Тем не менее, когда бывшая одноклассница Даша вдруг вспомнила о моем существовании, разыскала в фэйсбуке (где же еще?) и пригласила на пятидесятилетие школьной параллели (у нас было два класса – физмат и гуманитарный), я согласилась, сама не зная почему. Мероприятие назначили в Москве, в одном из гламурных ресторанов на гламурных Патриарших прудах или, как по-свойски назвала их Даша – на Патриках. Это означало, что придут на нее лишь те из бывших одноклассников, кто может себе это позволить: те, которым удалось пробиться в Москве, кто сумел не постареть, не полысеть, не набрать лишних килограммов, кому есть чем похвастаться – красавицей женой, состоятельным мужем, карьерой, талантливыми детьми или усовершенствованной внешностью. А что могу предъявить я? Чем похвастаюсь? И все же я решила пойти, потому что мне вдруг стало интересно, кто из бывших одноклассников рискнет явиться и что предъявит в качестве доказательства не напрасно прожитых пятнадцати лет. И еще потому, что ни один из них не учился в Бауманке и не был свидетелем несчастной любви наивной дурочки. Преуспевшие или нет, они казались мне самой безопасной компанией. И еще потому, что я вдруг поняла: после долгих лет эмоционально отрешенного существования в режиме «работа-дом-работа» мне нужна эмоциональная встряска, стимул, пусть самый банальный, чтобы что-то изменить в жизни, хотя бы минимально. Потому что мне годами было скучно, и я внезапно это осознала.

Что можно изменить за месяц? Фундаментально – ничего, поэтому все усилия я направила на единственный доступный мне объект – собственный вес. И он поддался: после десяти лет пребывания в одном весе, значительно превышающем тот, который взыскательная современная мода считает хотя бы приемлемым, я быстро сбросила шесть килограммов. Это не было чудесным преображением, конечно, но для меня и такой результат был немислим еще пару месяцев назад. Удивительно, как может мотивировать желание не ударить в грязь лицом перед бывшими одноклассниками, до которых годами не было никакого дела.

И вот я стою перед открытым шкафом, без энтузиазма разглядывая свою нескладную одежду, которая, к тому же, стала мне чуть-чуть великовата. Да ну к черту! Я выуживаю из ящика единственные джинсы, темно-синие, плотные, довольно свободные (джинсы мне не идут, и я их практически не ношу, но эти почему-то смотрятся довольно прилично) и винного цвета футболку, которая пытается обозначить едва наметившуюся талию. Эти вещи просто какое-то время лежали в шкафу, я уже и не помню, что подвигло меня их купить в те времена, когда я была богаче жиром на сброшенные шесть килограммов, но теперь, о чудо, мне нравится мое отражение в зеркале. Вот и замечательно: человек, одетый в джинсы и футболку, по крайней мере, не производит впечатление натужной конкуренции.

Я пришла в кинематографичный, подчеркнуто оживленный “Саксон энд Пэролс” одной из первых, как и положено персонажу, который привык, что его никто не будет с нетерпением ждать. Право на опоздание включено в пакет социальных преимуществ успешного человека и не имеет никакого отношения ко мне. За столиком уже сидела троица, специально приехавшая на встречу из Пушкино, все вполне узнаваемые – Маринка, Темыч и Женич. Маринка вместо длинных волос носила теперь симпатичное каре, Темыч – Артем – пошел по моей траектории и увеличился в объеме, не критично, но заметно. А вот Женич... Женич, в которого я была тайно влюблена два последних школьных года, остался точно таким, каким я его помнила: взъерошенным и длинноногим до нескладности. Женька поднялся из-за стола, чтобы поприветствовать меня, и я с удивлением обнаружила, что он умудрился стать еще выше со времени окончания школы, хотя и тогда был самым высоким человеком в параллели. Какого он роста, интересно: около двух метров? Чтобы видеть его лицо, мне, с моими ста шестьюдесятью семью сантиметрами, пришлось запрокинуть голову. Женич с улыбкой смотрел на меня сквозь стекла довольно нелепых очков близорукими голубыми глазами. Удивительно, как ему удалось сохра-

нить почти подростковую пухлость щек, не утратив жеребьячьей стройности фигуры? Лицо не красивое, и даже миловидным его нельзя назвать уверенно, но открытое и располагающее с первого взгляда. В Женича в классе были влюблены три или четыре девочки, а он обожал Полину из параллельного класса, красивее которой, как мне казалось, и быть не могло. В школе я, слава богу, держала свои подростковые чувства при себе и могла сейчас без смущения беседовать с ним о том, о чем положено разговаривать давно не видевшим друг друга бывшим одноклассникам, не стесняясь лишних килограммов и других нелестных следов времени. Глядя на сегодняшнего Женича, я испытывала не отзвуки прежнего волнения, а прямо-таки братскую приязнь: какой легкой и безопасной была моя несостоявшаяся любовь, как жаль, что ее сил не хватило на то, чтобы удержать меня от намного более грозной страсти. Но влюбленность в Женича прошла довольно быстро – еще на первом курсе, до начала романа с Максимом. Ему не хватало яркой целеустремленности и жажды конкуренции, которые так популярны в юности. Женька хотел стать биологом и вернуться работать в Пушкино, в отличие от многих, кто целился в Москву, Европу или Штаты. Я даже помню момент, когда впервые испытала разочарование от его скромных планов. На первом курсе у нас, бывших одноклассников, была привычка собираться на автовокзале и компанией ехать по субботам домой, а воскресными вечерами – обратно в Москву. Вместе было веселее, мы делились новостями и просто болтали ни о чем. Во время одной из таких поездок я спросила Женича, где он хочет работать после окончания своего биофака, и с удивлением узнала, что в Пушкино. На мои попытки выяснить, почему его планы столь немасштабны, он ответил просто: «От добра добра не ищут». Меня, непопулярного, но амбициозного тинейджера, поразила эта скучная рациональность, и с тех пор Женькин светлый образ изрядно полинял в моих глазах.

В течение получаса к нам присоединилось еще несколько человек, каждый раз мы вскакивали, чтобы обняться, сдвигали стулья и пересаживались так, чтобы бывшие и нынешние друзья могли устроиться поближе друг к другу. И, наконец, пришла очередь звезд. Первой перед нашими восхищенными взглядами предстала рыжеволосая Даша из гумкласса. Я помнила ее тонкой длинноногой нимфеткой, однако с тех пор она превратилась в триумфально красивую женщину. Вместо прежней порывистости в ее движениях появилась не сдерживаемая сексуальность. Длинные, чуть выющиеся волосы необычного медно-рыжего оттенка были как будто специально созданы природой для того, чтобы носить их распущенными. Высокие, но мягко очерченные скулы подчеркивали венецианский разрез больших светло-серых глаз, опущенных густыми темными ресницами. Чуть заметный жемчужный подтон идеально ровной, не характерной для рыжих людей кожи мгновенно разрушал стереотипы о красоте загара. Более чувственной, магнетической внешности я, кажется, и представить себе не могла: даже мой – женский – взгляд то и дело невольно обращался к ней, с кем бы я в тот момент ни разговаривала. Мне вдруг подумалось, что именно таких женщин средневековая Европа должна была жечь на кострах, как ведьм, приписывая их неотразимую привлекательность колдовским силам. Она так красива, что даже завидовать ей невозможно: зависть подразумевает сравнение, а как можно сравнивать себя с Дашей?

С первых ее слов, однако, стало понятно, что по характеру она практически не изменилась и осталась все той же неугомонной шкодой, какой я помнила ее по школьным годам. Наша компания, еще до ее прихода достигшая стадии, когда единое целое начинает потихоньку рассыпаться на дуэты и трио, вновь сплотилась, чему способствовала удивительная Дашина манера одновременно разговаривать с несколькими людьми, ни на ком не останавливая внимания надолго. Вскоре к нам присоединились еще двое особенно преуспевших бывших одноклассников, один, из которых, Олег, стал московским банкиром, а второй, Тимур, – заведующим лабораторией где-то в Техасе. Чуть позже эффектно появилась Лиза, Дашина школьная подруга и тоже красотка, хотя и более сдержанного типа, не ошеломляющего с первой секунды. И последней перед уже развеселившейся компанией предстала ближайшая Дашина школьная

подруга, Полина, самая успешная из бывших одноклассниц, если считать успехом идеал женского счастья больших городов. Красота рыжеволосой Даши, живая и магнетическая, как будто взывала к фрейдовскому бессознательному. Полина же всегда была классически совершенной, в современном понимании классики и совершенства, конечно. Внешность ее оказалась, к тому же, очень фотогеничной, что несложно было предсказать еще по школьным фотографиям. Полина быстро продвигалась по карьерной лестнице модели, пока не вышла замуж за очень богатого человека лет на двадцать старше нее.

Эти, а также многие другие любопытные подробности я узнала от общительного Лёнчика, который долгие годы поддерживал контакт со многими одноклассниками, и с которым мы, очень удачно для меня, оказались соседями по столу. Как я и ожидала, встреча быстро перешла в формат самопрезентаций, и каждый, к месту и не к месту, старался вставить пару слов о собственных успехах. Картина, быстрыми штрихами набросанная Лёнчиком, обрастала подробностями, и постепенно становилось понятно, кто каких рубежей сумел достичь за пятнадцать лет послешкольной жизни. Моими успехами тоже сдержанно поинтересовались, и я с удивлением поймала себя на том, что пытаюсь несколько приукрасить свои скромные достижения. Когда же меня – до обидного быстро – оставили в покое, я с удовольствием занялась «бальзаковским» времяпровождением: тихонько рассматривала сидящих за столом людей, слушала их разговоры и пыталась представить, как они живут на самом деле, какие интересы, хлопоты и надежды наполняют их настоящую жизнь, спрятанную за нарядными фасадами самопрезентаций.

Женич при появлении Полины слегка порозовел, она же удостоила бедолагу лишь поверхностным взглядом, оставаясь такой же нечувствительной к его смущению, какой была раньше по отношению к его влюбленности. *C'est la vie*, Женич, как я тебя понимаю! Ленчик вполголоса поведал мне, что у Женьки «какая-то жена и ребенок, кажется, сын», но, похоже, школьная любовь укоренилась в нем сильнее, чем во мне. Светловолосая, светлоглазая, безупречно красивая Полина милостиво общалась с банкиром Олегом, выражение лица и позу которого можно было трактовать как почтительное восхищение. Мне вдруг пришло в голову, что у него, в отличие от Женича, не столько эмоциональный, сколько профессиональный интерес к ней, связанный с Полининым мужем, бизнесменом. Тимур устроился справа от Даши и, выключившись из общей беседы, что-то вполголоса ей рассказывал, время от времени как бы невзначай касаясь ее руки. С другой стороны от Даши оказался Женич. Рыжая вакханка с удивительным мастерством успевала одновременно с интересом слушать Тимура и о чем-то увлеченно расспрашивать Женьку, с лица которого постепенно сходили признаки смущения. Оказался бы рядом с Полиной, сидел бы в застывшей позе весь вечер, не зная, что сказать и куда пристроить нескладные длинные руки. Но тебе повезло, Женич!

Впрочем, волны Дашиного экстравертного обаяния время от времени докатывались и до других участников праздника, включая меня.

– Очень хорошо выглядишь, Софа! – совершенно искренне соврала она, когда ее блуждающие по нашим лицам венецианские глаза встретились с моим любопытствующим взглядом. Я поморщилась: во-первых, не люблю неизящную лесть, а во-вторых, надоело каждому приходящему бывшему однокласснику заново объяснять, что в московской жизни я Соня, а не Софа. Мне всегда казалось, что имя, которым упорно называла меня в детстве мама, а за ней и все остальное Пушино, только добавляло мне неуклюжести.

– Запомнишь до конца вечера, что я Соня?

Не задавая лишних вопросов, Даша моментально перестроилась.

– Нет, правда, Сонь! У тебя появился собственный стиль, даже не знаю, как объяснить... И тебе очень идет легкая волна. – Увидев недоумение на моей физиономии, она мимолетным, но красивым жестом дотронулась до роскошных рыжих волос. – Прическа твоя. – Для убедительности Даша широко распахнула глаза. – Такая легкая небрежность, что ли...

Я всего лишь высушила голову феном, наклонившись вперед. Но если это называется волной, то и ради бога. Искренне или нет, но Даша пыталась сделать мне комплимент, что само по себе было удивительно: в школе ни она, ни Полина с Лизой, казалось, не подозревали о моем существовании. Три подружки царили на школьном Олимпе, не снисходя до простых смертных, копошившихся у его подножия. Сегодня же Даша мгновенно учла мое желание именоваться Соней вместо Софы. Я вдруг ощутила неожиданный прилив симпатии к ней, а мое бывшее высокомерное безразличие с оттенком тщательно скрываемой зависти, столь характерное для невзрачных подростков, полностью испарилось. Надо же, что-то изменилось в нашем маленьком мирке.

Изменилось, впрочем, не только мое отношение к Даше. Спираль вечера раскручивалась по обычной для таких мероприятий траектории, но, несмотря на всеобщее оживление, старательно поддерживаемое шампанским, на периферии моего сознания сгущалось ощущение, что с нашей компанией что-то не в порядке. Невидимые нити напряжения протянулись между некоторыми сидящими за столом людьми, но оказалось не так просто определить, кто именно был вовлечен в паутину эмоций. Заметнее всего это было как раз по Даше: в ее манере общаться, открытой, хотя и немного театральной, иногда проскальзывали нотки неуверенности. В интенсивном потоке Дашиной речи стали появляться едва заметные паузы, и, кажется, эта перемена произошла с приходом Полины. Царственная Полина, вроде бы, игнорировала Дашу, и это было странно – ведь они подружки, – однако время от времени бросала на нее быстрые, как будто невольные взгляды из-под идеально накрашенных ресниц. При этом и та, и другая охотно общались с Лизой, которая, как мне казалось, была подчеркнута дружелюбна по отношению к обоим своим подругам. Олег, намертво приклеившийся к Полине, тем не менее часто обращался взглядом к Даше. Или это было простое любопытство?..

– Слушай, Ленчик, они что, поссорились? – тихонько спросила я своего соседа.

– Кто? – во весь голос брякнул Ленчик, в недоумении глядя на меня.

– Да тише ты! – прошипела я. – Наша звездная тройца или, как минимум, Полина с Дашей.

– Вроде нет. Как раз наоборот, я бы сказал: Дашкин фейсбук в последнее время забит фотографиями, где они вдвоем с Полиной позируют на каких-то тусовках. А почему ты спросила?

– Да так, показалось, – отмахнулась я от собственной темы. Кто знает, возможно, мне, действительно, просто показалось.

Попытка найти себе компанию покурить не привела к успеху: все оказались приверженцами здорового образа жизни, и вместо характерного для курильщиков энтузиазма я получила лишь порцию неодобрительных взглядов. А ведь в школе некоторые из них с удовольствием курили, в отличие от меня. Но когда я, стоя у дверей ресторана, втянула в себя горьковатый сигаретный дым, ко мне неожиданно присоединилась Даша, «просто постоять за компанию», как она выразилась. Перед нами распахнулся пятничный сентябрьский вечер, непривычно теплый и свежий. Потоки света из громадных открытых окон ресторанов и кафе заливали тротуары, мягкий ветер теребил еще не тронутые осенней желтизной листья, а фигуры гуляющих людей отбрасывали длинные, наслаивающиеся друг на друга тени. В воздухе смешивался пряный запах листвы, сменяющие друг друга ароматы парфюма и кофейно-десертная ольфакторная волна из соседней кофейни. Вечный праздник московского центра всегда меня завораживал. Какой контраст с моей тихой Алтайской! Впрочем, и у нее есть свои прелести. И лучшее в ней то, что она тоже в Москве. Я люблю этот город, он дает мне энергию даже тогда, когда ее больше нигде черпать. Если не хочется внимания, то в мегаполисе без конца и края легко стать невидимкой. Конечно, Москва не Нью-Йорк, и все же мегаполис есть мегаполис. Городу все равно, как ты выглядишь, он примет тебя и экстравагантным, и серым, как моль. А если ты одинок, как, например, я, то только в мегаполисе имеет смысл жить, потому что здесь оди-

ночество никогда не будет абсолютным: людей вокруг так много, что ты, вольно или невольно, все время вступаешь с ними в контакт.

– Прости, что ты сказала? – встрепенулась я, осознав, что Даша уже несколько секунд пытается со мной общаться.

– Я говорю, ты так вкусно куришь, что мне тоже хочется. Бросила много лет назад, но когда, например, сижу в ресторане на открытом воздухе, или волнуюсь, или выпью лишнего, иногда безумно хочется курить. Мне нравится сама эстетика курения: длинные пальцы, тонкие сигареты, серебряная струйка дыма... – она вздохнула почти мечтательно. – Иногда все же позволяю себе.

– Хочешь? – я с готовностью протянула ей сигареты, потому что в компании курить все-таки приятнее, даже таким бирюкам, как я.

– Не могу сейчас. – Даша с сожалением, но решительно отвернулась от пачки.

– Недостаточно выпила? – улыбнулась я и внезапно сообразила, что не видела ее сегодня пьющей что-то, кроме воды и яблочно-сельдереевого сока, который она пару раз заказывала. Тимур несколько раз довольно настойчиво пытался налить ей вина, но она отказывалась. Любопытно... Даша явно не была убежденной противницей алкоголя: это следовало из того, что она только что сказала.

– Слушай, а ты не беременна? – ляпнула я и тут же прикусила язык, в ужасе от собственной бестактности. Даша, однако, не рассердилась, а слегка растерялась.

– А как ты догадалась? – спросила она почти шепотом.

– Не знаю, наверное, это был инсайт. Ты извини, что я так бесцеремонно задала вопрос.

– Ой, я совсем не против, – ответила Даша уже громче, и дружелюбное выражение лица подтверждало ее слова. – Ты знаешь, я уже давно подумывала о ребенке, но как-то не получалось.

– Поздравляю, друже! – я искренне приобняла ее. – Надеюсь, он будет таким же рыжим, как ты.

Я сказала это в шутку, разумеется, но по Дашиному лицу вдруг пробежала неуловимая тень. Если мне не показалось, конечно.

– Сомневаюсь, – несколько неуверенно ответила она. – Рыжеволосые дети рождаются, только если оба родителя передают ребенку «рыжеволосый» ген.

Я-то знаю основы генетики, но откуда Даше это известно, интересно? Биология ее никогда особо не интересовала, насколько я помню.

– Ну и ладно! Будет он рыжим или нет, в конце концов, не так уж и важно. Ну что, пойдем обратно?

Мы вернулись к своей компании и вновь погрузились в шумные разговоры, каждая в своем кругу. Но теперь, объединенные общей тайной, встречаясь иногда глазами, мы чуть заметно улыбались друг другу – и мне нравилась эта неожиданная общность.

* * *

Московский сентябрь не обещает постоянства. Теплые дни, пронизанные карамельным осенним светом, погасли в потоках упрямого монотонного дождя. Я вернулась к своей рутине: скучным деловым костюмам, волосам, убранным в короткий чахлый хвост, и непрекращающейся веренице договоров, претензий и исков. И все же банальная встреча одноклассников не прошла для меня даром. Мои мысли часто обращались к тем, кого я увидела после долгого перерыва: какими они были, какими стали, чем занимаются, о чем говорили между собой и со мной. Если раньше я просиживала вечера перед монитором, рассматривая фотографии нью-йоркских улиц и интерьеров, то сейчас им на смену пришли фейсбук и инстаграм. Общительный Ленчик, Даша и еще пара бывших одноклассников добавили меня в «друзья», чему я обра-

довалась больше, чем, наверное, оно того заслуживало. Можно привыкнуть к роли невидимки (мне это почти удалось), но полюбить эту роль нельзя, поэтому даже такие скромные проявления внимания приятно волновали. Женича в фейсбуке не оказалось, что меня не удивило: он сам жил недемонстративной жизнью и мало интересовался чужими демонстрациями успеха. Что ни говори, но соцсети – это ярмарка тщеславия и способ предьявить свои достижения. Меня удивило, что он вообще приехал на нашу встречу, которая, как и следовало ожидать, во многом стала филиалом все той же ярмарки. Скорее всего, ему хотелось увидеть Полину, а другой возможности у него не было: она и Женич эмигрировали из общего пушинского детства в непересекающиеся миры.

В школе я бы категорично заявила, что меня тоже не интересуют социальные демонстрации в соцсетях, однако с тех пор кое-что изменилось. Теперь я была бы не против публиковать фото из путешествий, если бы путешествовала, и удачных находок в дизайне квартиры, если бы она у меня была. Чужие самопрезентации тоже больше не раздражали меня, потому что в них можно было читать любопытные скрытые смыслы: как по-разному люди понимают успех, чем хотят поделиться, что пытаются приукрасить и что за этими попытками может стоять на самом деле. У банкира Олега в фейсбуке географические карты с отметками мест, где он в тот момент находился, чередовались с собственными фото в удачных ракурсах, явно сделанными профессиональными фотографами на деловых фотосессиях. Его страница просто излучала профессиональный успех, не требующий дополнительных доказательств. Женатый на американке Тимур рассказывал, в основном, историю семейного счастья: вот он возле жены в клинике с новорожденным младенцем в руках (и он, и жена, и даже младенец улыбаются лучезарными американскими улыбками), а вот они, уже со старшим ребенком, позируют на фоне рождественской елки. Фото в костюмах для Хэллуина, фото на поле для гольфа – жизнь Тимура казалась воплощением американской мечты. У экстравертного Лёнчика фейсбук был похож на крошку: какие-то юмористические перепосты перемежались с фотографиями с горнолыжных и тропических курортов, тут же мелькали чьи-то дети с букетами возле школ и люди с бокалами в ресторанных интерьерах. Дашина страница оказалась вихрем перепостов из ее же инстаграма: Даша на яхте в короткой теннисной юбке и белых кедах, Даша в вечернем платье с небрежно распущенными по плечам волосами, Даша с незнакомыми мне девицами в парадном макияже, Даша с мужчинами в черных костюмах, мужчинами в байкерском облачении, мужчинами в джинсах и поло... Даша в своем репертуаре. И да, Лёнчик был прав, за последние месяцы появилось довольно много фото с Полиной, иногда вместе с Лизой. Если они и поссорились, то это произошло совсем недавно. У Полины совсем другая фейсбучная история – безупречно-совершенная, в которой дозировано все: посты, лица, стиль. Я попыталась найти фото с мужем, но она явно не стремилась выставлять свою семейную жизнь напоказ.

Когда Даша позвонила мне, предложив «встретиться и поболтать» в William's на Патриках (ну конечно, где же еще?), я успела настолько погрузиться в интернет-истории своих бывших одноклассников, включая саму Дашу, что даже не удивилась ее неожиданной, если задуматься, инициативе. За несколько дней я узнала о ней так много, что она, казалось, превратилась в хорошую знакомую, почти подругу. Меня радовало ее внимание, а еще мне совершенно не с кем было обсудить последнюю встречу. А обсудить, разумеется, хотелось, хотя бы и с не склонной к анализу Дашей. Удивительно, но у меня вдруг родилось острое желание купить себе что-то новое из одежды для предстоящего вечера. Тем более, что за неделю, прошедшую с момента встречи выпускников, я умудрилась, не предпринимая усилий и даже не думая об этом, похудеть еще на полтора килограмма. В процессе ежевечерних бдений в интернете мне почему-то не хотелось есть. По-видимому, Дашина вопиющая привлекательность обладала свойством приглушать остроту собственного восприятия несовершенства: с одной стороны, мне и в голову не приходило сравнивать себя с ней, с другой – ее красота как будто была спо-

собна подсвечивать людей в удачном ракурсе. Нет смысла интересно одеваться, если тебя все равно никто не заметит, а в обществе Даша будут смотреть даже на меня.

Капризный сентябрь подарил Москве еще один сухой, теплый вечер. Казалось, весь город выплеснулся на улицы, чтобы насладиться последними днями «европейской» осени. Я пила холодное белое вино, а Даша – все тот же ужасный на вид и вкус яблочно-сельдереевый сок. Мы говорили о ее самочувствии, новых ощущениях, ознакомительных прогулках по магазинам детского барахла, вспоминали встречу выпускников, по-приятельски сплетничали о бывших одноклассниках и, не стесняясь, обсуждали метаморфозы их внешности («Кстати, ты стала совершенно другая. В школе была просто пухлая девочка-ботан, а теперь в тебе появилась какая-то, не знаю, независимость. Вроде все тоже самое, но ничего не то же самое. И одеваешься необычно»). Оделась я, действительно, необычно, во всяком случае, для себя. Намучившись в безуспешных попытках купить камуфлирующее платье, или джинсы, способные зрительно уменьшить мою крупноватую корму (в дополнение к тем единственным, в которых я ходила на встречу выпускников), или блузку, не превращающую меня в карикатуру на главного бухгалтера строительной фирмы, я вдруг остановила взгляд на длинной юбке странного зеленого оттенка, туго сидящей на талии и расходящейся книзу. Плотная бежевая футболка, обтягивающая мой более или менее аккуратный верх, и песочного цвета замшевые кроссовки довершили новый образ, или look, как назвала его Даша. Look этот бы для меня непривычен, но, по крайней мере, он шел мне намного больше, чем унылые офисные костюмы или платья разной степени романтичности. И на этот раз Дашке действительно понравилось, как я выгляжу: это было очевидно по тому, как она время от времени невольно оглядывала меня с головы до ног, пока я курила возле ресторана, а она составляла мне компанию, держась с наветренной стороны.

Явно выпив пару лишних бокалов, я, неожиданно для самой себя, выложила ей историю школьной влюбленности в Женича. В тот момент мне, впрочем, казалось, что таким образом я увожу ее от темы, которую она затронула с типичной для нее непосредственностью: что случилось с «тем твоим бойфрендом, который провожал тебя на автобус?» Ну конечно! Я давно перестала об этом думать, но в институтские годы Макс регулярно провожал и встречал меня на автовокзале. И, разумеется, кое-кто из моих бывших одноклассников, тоже путешествующих из Москвы в Пушино и обратно, его видел, однако Даша не была в их числе. Я очень старалась стереть из памяти все, что связано с Максом, но не сильно преуспела в этом начинании: слишком много для меня значили первые и единственные отношения с мужчиной. Наиболее стойкими оказались воспоминания двух первых, самых счастливых лет. С восторженной гордостью я знакомила совершенного Макса с бывшими одноклассниками, а изумление, написанное на их лицах в этот момент, действовало на меня как глоток холодного шампанского в жаркий день. Если бы мне пришлось познакомить его с Дашей, или Полиной, или Лизой, я бы этого точно не забыла. По-видимому, Макс произвел на тех, кто его видел, столь яркое впечатление, что наш роман превратился в популярную в Пушино сплетню, которая докатилась и до Даша.

«Новость» из прошлого почему-то очень ее обрадовала, и она немедленно загорелась желанием помочь мне пробудить в Жениче романтические чувства. Ее не беспокоило ни то, что Женич женат, ни то, что я давно уже испытываю к нему лишь дружескую приязнь.

– Легкая романтика пойдет на пользу вам обоим. Ну и что, что он был влюблен в Полину? Сейчас у него заурядная жена, ничем не лучше тебя. Ой, я не то хотела сказать!.. Ты не обиделась? Нет? Слава богу. В общем, Женич остался таким, каким и был, а ты изменилась к лучшему. И еще изменишься – я помогу!

– Хочешь отработать на мне первые импульсы материнского инстинкта?

– Да ну тебя! Просто вижу в тебе спящий потенциал, который можно разбудить. Знаешь что? Я попрошу Лизу нам помочь: она креативный директор дизайнерской студии Алины Шмелевой. Лучше нее никто не разработает индивидуальную концепцию стиля.

Мне ни о чем не говорило упоминание студии Алины Шмелевой, но невозможно отказаться от наставничества, которое предлагают под предлогом раскрытия твоего потенциала – и я согласилась. К тому же после долгих лет интровертного одиночества во мне вдруг проснулся спящий до этого потенциал экстраверта.

Мы расстались около одиннадцати вечера. Я отправилась пешком до Чеховской, а за Дашей заехал ее муж, Антон. Оставив машину где-то на парковке, он встретил ее возле ресторана. Высокий, темноволосый, спортивный, внешне он эффектно дополнял Дашину яркую красоту. Она представила нас друг другу, щедро назвав меня подружкой детства. Антон, формально улыбаясь, окинул меня безразличным взглядом очень темных, сливового цвета, глаз и, обняв жену за плечи, быстро повел ее по улице. Их сдвоенный силуэт то исчезал в бархатистой тени, то выхватывался из темноты ирреальным светом изящных фонарей.

Удивительно, как появление цели меняет жизнь – любой цели, если она увлекла тебя по настоящему. А я, во многом благодаря Даше, увлеклась идеей найти, наконец, свой стиль и перестать быть той невидимкой в квадрате, какой стала, умножив скромные природные данные на полную неспособность вытянуть из них хотя бы что-то приличное. Оба мои высших образования относятся к тем областям знаний, в которых быстро учишься мыслить реалистично и не строить иллюзий. Но, тем не менее, хотя бы в какой-то мере моя внешность может стать лучше? Безусловно. К этому неизвестному «лучше» я и двинулась с тем же усердием, с которым до этого умела лишь учиться и работать.

Втроем – с Дашей и Лизой – мы успели встретиться дважды до того, как новая для меня социальная жизнь разбилась вдребезги. К моему изумлению, Лиза благосклонно отнеслась к Дашиной затее и вполне охотно разбиралась с моими пропорциями, цветотипом и прочими недоступными для моего понимания вещами. С энтузиазмом демиурга Даша снабжала меня дисками с «воркаутами», системами питания, рекламой биодобавок, кремов и шампуней (памятуя о неудачном тинейджерском опыте, от макияжа я отказывалась наотрез). Мой непривыкший к непрерывной культивации организм неожиданно благодарно отреагировал на ежедневные усилия, и к середине октября не только мне самой, но и безразличным коллегам по работе стало очевидно, что тело мое потихоньку меняется. Даша радовалась, как ребенок, и уже принялась размышлять над организацией новой встречи, на которую планировала заманить и Женича. Я не собиралась даже пытаться заинтересовать Женича, но перспектива еще одного вечера в компании бывших одноклассников казалась заманчивой. Наконец-то и мне будет, что им предъявить – изменения. Люди привыкают и к красоте, и к уродству, но изменения, как правило, замечают, потому что перемены и есть жизнь.

Даже Лизу, казалось, развлекал наш эксперимент, настолько, во всяком случае, что она решила устроить мне «показательный шоппинг» и научить выбирать «правильные» вещи. Поистине, никогда не знаешь, где тебя ждет приключение: меньше всего я рассчитывала, что к моим попыткам вылезти из раковины будут причастны именно Даша и Лиза.

Стаккато мобильного прозвучало в самый неподходящий момент: я должна была закончить к вечеру текст длинного и сложного договора, изобилующего подводными камнями. Высветившийся номер был мне незнаком. Ну и прекрасно, надо будет – перезвонят. Я выключила звук телефона и вновь погрузилась в свой договор. Следующие, беззвучные звонки прошли незамеченными, а когда, наконец, я смогла позволить себе перерыв и устроиться в зоне отдыха с чашкой кофе, то обнаружила четыре пропущенных звонка того же «неизвестного абонента». Любопытно... Кому-то явно нужно было мне что-то сказать. А мне нужно было отвлечься от корпоративного права, поэтому я сама набрала загадочный номер.

– Софья Александровна, спасибо, что перезвонили, – раздался незнакомый мужской голос, довольно низкий и слегка приглушенный. – Швецов Алексей Павлович, старший следователь (чего-то там, я не запомнила деталей). Мне необходимо сегодня с вами встретиться. Где Вам будет удобно?

От неожиданности я пропустила информативную часть, в голове осело только слово «следователь». Первая мысль, разумеется, касалась работы, но я практически сразу отбросила ее.

– Простите, можете повторить Вашу должность?

– Старший следователь Кунцевского межрайонного следственного отдела.

– А что случилось?

– Расскажу при встрече. Когда Вы заканчиваете работу?

– В принципе, могу выйти уже сейчас. – На самом деле, мне нужна была еще пара часов, чтобы закончить дела, но предчувствие надвигающейся катастрофы вдруг нахлынуло на меня с такой силой, что я вряд ли смогла бы вновь погрузиться в работу. – Когда вы сможете подъехать? Мой офис на Белой площади...

– Я уже внизу, в лобби.

Однако. Как много «они» обо мне знают! Чем я могла «их» заинтересовать?

Наскоро попрощавшись с коллегами, я схватила куртку и сумку и почти бегом пустилась к выходу.

Он подошел ко мне до того, как я успела обвести взглядом немногочисленных людей в лобби.

– Софья Александровна (не вопрос – утверждение), я Швецов.

Я с любопытством взглянула на невысокого, худощавого шатена в короткой замшевой куртке и джинсах. В противоречие с его на первый взгляд невыразительной внешностью быстро вступал его низкий голос, чуть хищная манера держаться и очень яркие, отороченные густыми черными ресницами серые глаза, довольно неожиданные на типично славянском лице. Уверенным, но недемонстративным движением он показал мне свое удостоверение: вроде бы, все в нем соответствовало тому, что он озвучил по телефону. Впрочем, сам факт, что Швецов ждал меня в лобби, благополучно миновав наш бдительный пункт пропуска, свидетельствовал о том, что он является именно тем, за кого себя выдает.

– Мы можем присесть вон в том углу, на диванах, – неуверенно предложила я.

– Я бы предпочел прогуляться до моей машины, она стоит на парковке вашего здания.

Предчувствие катастрофы переросло в уверенность. Швецов двигался очень быстро, и, чтобы успевать за ним, мне периодически приходилось переходить на легкую рысь. Мы вышли на парковку, он нажал кнопку на ключе – и на электронный призыв отозвалась массивная серая машина. Он открыл для меня переднюю дверцу, и я неуклюже забралась внутрь, споткнувшись о порожек. Швецов быстро обошел машину, скользнул за руль, повернул ключ в замке зажигания. Пока Швецов устраивался на сидении и молча что-то включал и регулировал, я, не отрываясь, смотрела на его чуть островатый профиль.

– Два дня назад в Кунцевском парке было обнаружено тело Пашковской Дарьи Александровны. В тот день она звонила Вам дважды, и, в принципе, Ваш номер несколько раз отразился в «недавних звонках». Видимо, в последнее время вы с ней часто общались?

Ощущение пустоты в невесомой, как ореховая скорлупа, голове, до этого появлялось в моей жизни лишь однажды: когда Макс сказал, что нам «нужно расстаться». Теперь оно настигло меня вновь, оглушив и лишив способности реагировать на внешний мир. А затем в пустую голову хлынула волна ужаса, заставившая съежиться на сидении, вцепившись пальцами в собственные колени.

– Но это... это же невозможно!.. Она же...

Швецов лишь молча смотрел на меня ничего не выражающим взглядом.

– А как же ребенок?!

Это слово как будто надломило меня: неверие отступило на второй план, и осталась лишь тоска. Не будет рыжего (вопреки Дашиным объяснениям я всегда представляла его рыжим) круглощекого младенца, не будет усталой, но счастливой Даши, рассказывающей о его попытках есть, ползать, сидеть. Не будет детских фото в инстаграм, не будет нарядного торта с одной

свечкой... Слезы хлынули у меня из глаз, и вместе с ними выплеснулись наружу эмоции, которые мозг не в силах был «переварить» без внешних проявлений.

– Я отвезу Вас домой, – раздался далекий голос. Машина тронулась, но ее перемещения я воспринимала лишь как мелькание световых полос, прорезающих салон и порой слепящих глаза. Не знаю, сколько времени прошло, прежде чем ко мне вернулась способность думать, но, видимо, довольно много. К тому моменту, как я стала реагировать на окружающий мир, за окнами уже разворачивались знакомые пейзажи Парковых улиц.

– А что с ней произошло? Несчастный случай? Хотя подождите: Вы же следователь. Ее что?.. Убили? Как?

– Удар тяжелым тупым предметом по голове. – Ответил он бесстрастно и добавил, предвосхищая мой вопрос. – Орудие преступления рядом не обнаружено.

Я молчала, тщетно пытаюсь избавиться от картины, возникшей в моей голове: роскошные Дашины волосы с запекшейся на них кровью возле некрасивой, вдавленной раны. Меня довольно часто укачивает в машине, но в тот раз приступ тошноты был, видимо, вызван другим.

– Простите, мне надо выйти! – как только мы остановились на светофоре, я начала судорожно дергать ручку двери.

Швецов меня понял правильно:

– Две минуты, я сверну с трассы и остановлюсь.

Он сдержал слово (это было в его интересах не меньше, чем в моих) и остановил машину в каком-то темном проулке. Опираясь рукой на ствол дерева, я склонилась над травой. Я мало ела в тот день, но тело мое, казалось, яростно расставалось со всем, съеденным за последний месяц. Лишь когда я уже едва держалась на ногах, желудок начал потихоньку успокаиваться.

– Не хотите зайти? – С надеждой спросила я Швецова, когда мы подъехали к дому. – Вы же собирались со мной поговорить, наверное, спросить о чем-то. – Мне не слишком хотелось отвечать на его вопросы в тот вечер, но я не могла откровенно сказать ему, что приглашаю в дом незнакомого человека, потому что боюсь остаться одна. Он согласился, не проявив особого интереса, но и настаивать мне не пришлось. Швецов устроился за кухонным столом и молча наблюдал, как я перемещалась по кухне, заваривала чай, расставляла чашки и безуспешно рылась в шкафчиках, пытаюсь найти какие-нибудь конфеты или печенье.

– Вы были близкими друзьями? – спросил он, когда я, наконец, утомилась и присела напротив него на краешек стула.

– Не особенно. Мы и подружились-то совсем недавно. Когда-то учились вместе в школе, встретились на вечере встречи школьной параллели полтора месяца назад и, неожиданно, начали общаться.

– И тем не менее, она поделилась с Вами новостью о своей беременности. – Констатировал Швецов с ноткой сомнения в голосе.

– Она не делилась – я сама вычислила, еще на вечере встречи. Даша просто подтвердила мое предположение. Хотя, насколько я знаю, открытость вполне в ее характере... Была.

Швецов удивленно приподнял одну бровь:

– Никто не знал, кроме мужа, который утверждает, что она рассказала ему около двух недель назад. Получается, вы узнали намного раньше него.

Я пожала плечами:

– Что значит «никто»? А у кого вы спрашивали?

– У родителей, сестры и нескольких друзей, которых вы, как я понимаю, тоже знаете.

Я с ужасом подумала о родителях Даши. Кошмар ситуации все разрастался.

– С мужем странная история, действительно. Возможно, она молчала из суеверных соображений, а он, видимо, был невнимателен к ней. Мог бы и догадаться о беременности. Как он, кстати?..

– Шокирован. – лаконично ответил Швецов. – Вы хорошо его знаете?

– Вообще не знаю. Видела один раз. Красивый. Ребенок должен был получиться... – понимая, что вот-вот заплачу снова, я вскочила из-за стола и схватилась за пачку сигарет. – Вы курите?

Этот, к счастью, курил. В наше время непросто найти себе компанию. Мы вышли на тесный незастекленный балкон, я сделала несколько жадных затяжек и некоторое время стояла молча, глядя на холодные косые нити дождя. Мелкие капли шелестели по листьям ветлы, ветви которой почти касались балкона. Противное дерево, ветла. Я бы хотела, чтобы вместо нее рос клен, или ясень, или липа. Странно, что Даша так поздно сказала мужу о ребенке... Ведь она очень радовалась. В голове вдруг всплыл яркий, живой образ из прошлого – лекция по криминологии. Молодой, невысокий, коренастый преподаватель с брутально красивым лицом рассказывает о вероятных подозреваемых в разных типах убийств: «Если убит мужчина, главный подозреваемый – жена, если убита женщина – муж. В семьях». Но зачем ему было ее убивать? И зачем ее понесло вечером в этот парк? Вдруг это был какой-нибудь маньяк, или пьяница с белой горячкой, или грабитель?

– А ее вещи были при ней? Сумка, драгоценности?

– На ней была подвеска и пара колец, довольно дорогие. Сумка и кошелек тоже не пропали. Так что это вряд ли разбойное нападение.

– Жаль! – ляпнула я и тут же осеклась под взглядом Швецова. – В смысле, если бы убийство было спонтанным, с ним легче было бы смириться. А так... Странно, что Даша не сказала мужу о беременности раньше.

– Странно, да. Она Вам что-нибудь говорила об их отношениях?

– Кажется, нет. Даша вообще редко упоминала мужа в наших с ней разговорах, но мне казалось, что у них все вполне безмятежно. То есть она ни разу не жаловалась... – и тут я вспомнила маленькую деталь одного из наших последних разговоров по телефону, о которой совершенно забыла, завертевшись в вихре увлекательных тем, связанных с моей Великой Трансформацией.

– Вспомнили что-то? – насторожился пронизательный Швецов.

– Ничего конкретного. Просто Даша сказала мне недавно, что хочет со мной о чем-то посоветоваться. Я спросила, о чем именно, но она ответила, что разговор не телефонный. Хотя это могло быть что угодно, какая-нибудь мелочь... Но голос у нее был как будто встревоженный, а для Даши это нехарактерно. Мы договорились встретиться в эту пятницу...

А надо было договориться о встрече на следующий же день, и тогда, возможно, все сложилось бы по-другому. Никакого убийства бы не было. Я резко помотала головой: что за абсурд! С чего я взяла, что две эти темы связаны?

– И это все, что Вы вспомнили? Больше ничего не приходит в голову?

Приходит, но не то, что бы могло тебе помочь.

– Я подумаю. Если что-нибудь вспомню, то обязательно позвоню. Обязательно.

Возвращаясь с работы на следующий день, я зашла в магазин и, вопреки традиции, сложившейся в последние месяцы, купила восемь эклеров, в дополнение ко многим другим продуктам, тоже временно покинувшим мой рацион. Весь вечер (thanks God it's Friday!) и два следующих дня я только ела и курила, ела и курила, выходя из дома лишь для того, чтобы пополнить запасы еды и сигарет. К прежней тоске присоединились новые ноты – горечь собственной потери. Закончились мои беспечные вечера в обществе Даши, мой новый образ жизни, подсвеченный ощущением интриги (а что будет, если я похудею и изменю стиль?). Никому больше не интересно, продолжу ли я заниматься фитнесом и смогу ли понравиться Женичу. Никто больше не устроит встречу выпускников. Какая теперь разница, сколько эклеров я съем? По ночам мне начали сниться кошмары, так или иначе связанные с убийством

Даши. Я просыпалась в холодном поту и бежала к холодильнику, а потом подолгу стояла на балконе, завернувшись в одеяло, и курила.

Рабочая неделя не принесла особого облегчения. Днем я волей-неволей сосредоточивалась на своих обязанностях, но вечера оставались неприкаянными, а еда и сигареты – единственным утешением. Во вторник позвонила Лиза.

– Это просто ужас! Никак не могу поверить, что с ней такое произошло. А когда следователь еще рассказал про ребенка...

– А ты не знала? – Хотя Швецов и упоминал о том, что Дашины подруги не знали о ее беременности, мне это казалось странным: Даша была открытым человеком, а Лиза, насколько я понимаю, оставалась одной из ближайших ее подруг. Может, она знала, но предпочла не делиться этим фактом со следователем?

– Нет... а ты знала?! Она тебе рассказала?

– Я сама догадалась, еще на встрече выпускников. Удивительно, кстати, что не догадалась ты.

– А как можно было догадаться? Она же не поправилась совершенно. Как тебе это удалось, вообще?

– Нуу... По противоречию между тем, что она любила, и тем, как она себя вела. Совсем не пила алкоголь, например.

– Я списала все странности на очередной приступ ЗОЖ или какую-нибудь новую диету. Дашка – человек увлекающийся, и вечно пыталась следовать всяким трендовым системам. Безуспешно, правда. Я была уверена, что скоро ей надоест этот ЗОЖ. Но вообще ты права: в ее поведении было что-то необычное. Странно, что она мне ничего не сказала. И Антон говорит, что она его посвятила всего пару недель назад: а ведь срок был больше двух месяцев.

– Ты с ним общаешься? Что еще он говорит? Может, он не хотел ребенка?

– Мы давно уже знакомы, он в ужасном состоянии, в том числе из-за ее беременности. Он как раз давно хотел ребенка, они пытались, но у них долго время не получалось. Может, она поэтому ему и не сказала сразу, боялась сглазить. Хотя опять же, это странно: не в ее характере.

– Возможно, она и вправду боялась сглазить. А тут подвернулась я, догадавшаяся самостоятельно, и потребность поговорить о беременности можно было удовлетворять со мной. Наверное, поэтому и она общалась со мной так часто в последнее время.

– Наверное... Ты поедешь на похороны? Родители забирают тело в Пушино.

Внутри меня все сжалось, как происходило каждый раз при мысли о Дашиных родителях.

– Да, конечно.

Весь вечер после разговора с Лизой я курила так много, что у меня саднило горло, и любая еда приобретала мерзкий, пережженный вкус. А ночью мне приснился очередной сон: Даша в темном парке, я смотрю ей вслед, ее рыжие волосы мерцают в электрическом свете фонарей. Я хочу ей сказать, чтобы она остановилась, не уходила в черное жерло тропинки, но не могу выдать из себя ни слова. И вдруг из-за моей спины выходит маленькое существо и направляется вслед за Дашей. Я не вижу его лица, лишь рыжие волосы бросаются в глаза. Дашин ребенок! Оказывается, он уже родился, а она потеряла его в этом парке и ищет. Слава богу, он нашелся, и теперь Даше не нужно больше идти в темноту. Он догоняет ее, она поворачивается, радостно улыбается, наклоняется к нему, он протягивает к ней маленькие ручки, которые вдруг начинают вытягиваться, вцепляются ей в горло и сжимаются все сильнее...

Я вскочила с кровати так резко, что зацепилась за провод ночника и неуклюже шлепнулась на четвереньки. Некоторое время я сидела на полу, тяжело дыша, как после быстрого бега, и пытаюсь отогнать от себя мерзкое видение. Однако это был один из тех кошмаров, которые очень неохотно рассеиваются даже после пробуждения. Включив настольную лампу, я побрела на кухню, нажала на кнопку электрочайника и рухнула на стул. Так невозможно. Мне нужно что-то предпринять, иначе кошмары отправят меня прямой дорогой к психиатру. Я заварила

чай, принесла блокнот и ручку, закурила сигарету и стала вспоминать каждую встречу с Дашей настолько подробно, насколько позволяло затуманенное недосыпом сознание.

* * *

Похороны оставили у меня мало воспоминаний: я как будто смотрела на все со стороны, оставаясь непричастной к происходящему. Это помогло мне пережить то, чего я больше всего страшилась – встречу с Дашиными родителями. Преодолев мучительный момент выражения соболезнований, я отошла в незаметное место и стояла, бессмысленно следя глазами за одеждой в черное людми. Взгляд выхватывал из толпы отдельные лица: Антон, Дашин муж, осунувшийся и немного сутулящийся, Дашина младшая сестра с заплаканными глазами, непривычно серьезный и молчаливый Ленчик, печальные Темыч и Женич, строгая Лиза рядом с Антоном, Полина в элегантном черном платье, которое ей почему-то не шло... Впервые я увидела ее мужа. Он был ниже ее ростом и заметно старше, полноватый, с лысеющей крупной головой. Его одежда казалась безупречной и выглядела очень, очень дорого. Властный взгляд, не спеша, скользил по лицам, пока не встретился с моим бездумным взглядом. Видимо, я таращилась слишком откровенно: темные глаза на пару секунд замерли на моем лице и сощурились. Я поспешно отвернулась. В его лице и манере держаться чувствовалась тщательно дозированная сила. Такого человека точно не захочешь получить во враги.

Как только представилась возможность, я незаметно подошла к Женичу, переминавшемуся с ноги на ногу в обществе Артема и Ленчика. Мне не очень хотелось начинать с ним разговор на публике, но у меня не было его телефона, а перспектива спрашивать номер у кого-то из общих знакомых выглядела еще менее привлекательной. Я тихонько дотронулась до Женькиного локтя, он обернулся, печально взглянул на меня с высоты своего роста и коротко кивнул в знак приветствия.

– Привет, Женич, можно отвлечь тебя на пару минут?

Он удивленно приподнял брови, но послушно ответил «Угу». Мы отошли от плотной черной группы людей под плотным черным облаком сдвинутых зонтов и встали под большим кленом, меланхолично ронявшим мокрые желтые листья.

– Слушай, Женич, о чем вы с Дашей разговаривали на встрече выпускников, не помнишь?

Женькины близорукие светло-голубые глаза распахнулись в изумлении.

– Ну, эээ... Честно говоря, не помню. А почему ты спрашиваешь?

Не ответив на его вопрос, я попыталась осторожно ему напомнить канву их разговора, не высказывая слишком явно собственных предположений:

– Ты же генетик, да?

Женич встрепенулся:

– Точно! Мы говорили о наследовании некоторых признаков. Даша сказала, что в их семье она единственная рыжеволосая, все остальные – шатены разных оттенков. Хотя про какую-то прабабушку с рыжими волосами ей рассказывали. Спросила, как такое может быть. И я объяснил, какие глаза и волосы могут быть у детей, рожденных от тех или иных родителей. Ты нас слушала, что ли?

– Не слушала – вычислила.

Женич изменился в лице:

– Это она из-за ребенка спрашивала, да? Хотела знать, какой масти может быть малыш. – Его голос вдруг как-то охрип. – Я отказываюсь верить. Кто мог ее убить? Маньяк какой-то? У нее пропало что-нибудь из вещей?

Даша старательно скрывала свою тайну, но стоило ей умереть, как информация свободно диффундировала в окружающий мир. Я даже не спросила Женича, откуда он узнал про ребенка: какая разница? Все уже знают.

Женины мысли, однако, стремились в том же направлении, что и мои: считать Дашу случайной жертвой случайного нападения психологически намного проще, чем подозревать умышленное убийство, совершенное кем-то из ее близкого окружения. Швецов лишил меня надежды на подтверждение удобной версии, и теперь я решительно осекла Женича.

– Насколько им известно, нет. Это не ограбление и не сексуальное насилие.

– А «им» – это кому?

– Следователям. Они со мной общались, точнее, он.

– Почему они обратились к тебе? Вы с Дашей разве дружили?

– В последнее время да. Ну ладно, больше не буду тебя отвлекать. Спасибо.

Я приподняла руку в знак благодарности, кивнула и сделала первый шаг, но Женич вдруг взял меня за локоть.

– Подожди. – Он внимательно смотрел на меня сверху вниз своими близорукими глазами, которые под очками казались больше, чем они есть. – Так почему ты спросила? В чем дело?

– Жень, это точно разговор не для сегодняшнего дня. Если там вообще есть о чем разговаривать.

– Тогда давай встретимся на неделе, например, в субботу. У меня все равно есть дела в Москве, могу заодно подъехать куда-нибудь, где тебе будет удобно. За это время попробую поточнее вспомнить, о чем мы с Дашей тогда разговаривали.

Пятнадцать лет назад после такого предложения я стала бы счастливейшим человеком на земле, считала бы, что, наконец, понравилась Женичу, и он ищет повод, чтобы начать со мной общаться. Однако с тех пор я поумнела: у меня не было ни малейших иллюзий относительно его намерений. Ко мне лично Женька не испытывает ни малейшего интереса, но по какой-то причине ему хочется знать, что что я думаю по поводу Даши, и он достаточно настойчив, чтобы попытаться это выяснить. Любопытно, почему? Тем не менее, его предложение меня вполне устроило: возможно, он вспомнит что-нибудь важное из их разговора, а я заодно попытаюсь выяснить, чем его так заинтересовали мои вопросы.

На следующий день я позвонила Лизе и напросилась на встречу. Мне показалось, что она была несколько удивлена моей инициативе, но все жесогласилась, предложив встретиться вечером в каком-то тихом, по ее словам, ресторане на Новокузнецкой, неподалеку от ее работы.

Уже неделю дождь лил с неутомимой решимостью, упорной барабанной дробью сбивая с деревьев желто-красную листву. Они стояли грустные, с потемневшими от влаги стволами. К тому времени, как я добралась до ресторана, у меня промокли ноги, а волосы уныло повисли тонкими скользкими прядями. Наверняка из-под них теперь были видны кончики ушей. Лиза же выглядела безупречно, как всегда. Миниатюрная, тоненькая, одетая в короткое темное пальто поверх платья, подчеркивающего ее точеную фигуру, она казалась эталоном элегантности. Я встала ей навстречу, и она с ног до головы окинула меня быстрым, ничего не выражающим взглядом. Я поежилась, внезапно представив со стороны мой дешевый мешковатый деловой костюм, мастерски подчеркивающий недостатки вновь поплывшей фигуры, прилизанные волосы и мокрые носы старомодных туфель. Время, которое они с Дашей потратили на мое преображение, явно прошло даром.

Поначалу разговор не клеился: Лиза ждала объяснений, зачем мне понадобилась эта встреча, а я не знала, как подступиться к цели, не вызывая лишних подозрений. У меня была тайная надежда, что разговор сам собой вырвет в нужную колею, но ничего интересного не происходило. Мы затронули тему вчерашних похорон, коротко обсудили бывших одноклассников, но беседа не переходила в свободный поток речи: ни я, ни Лиза не относились к числу

людей, способных постоянно лить воду на мельницу общения. Она все чаще бросала на меня вопросительные взгляды, а мне никак не удавалось придумать, что бы у нее спросить.

– Ты знаешь, мне показалось, что некоторые приняли Дашину смерть очень близко сердцу. Женич, например, чуть не плакал. Странно: они ведь особо даже не общались в школе. – ляпнула я, наконец, чтобы поддержать еле теплящийся огонек разговора.

Лиза бросила на меня быстрый, внезапно вспыхнувший интересом взгляд, в котором мелькнула тень иронии. Кажется, она подумала, что именно ради этого я напросилась на встречу – ради возможности поговорить о Жениче. Проболтавшись о своей первой тайной любви, я горячо просила Дашу не распространять по миру плоды моего опрометчивого откровения, но, видимо, хранить чужие секреты было выше ее сил. Во всяком случае, Лиза явно была в курсе моей истории.

– В школе не общались. – Ответила она ровным голосом. – Но потом начали общаться, правда, недолго.

– В смысле? – зачем-то спросила я, уже, собственно, понимая, о чем идет речь.

– Ну ты же знаешь Дашку: вокруг нее всегда было множество мужчин. Она же добрая, ей все время хотелось кого-нибудь пожалеть: не взаимно влюбленных, неудачливых, несчастных в семейной жизни. А от жалости до постели полшага. В Дашкином случае.

Лиза говорила нейтральным тоном, с интересом рассматривая других посетителей ресторана, и все равно было понятно, что она краем глаза следит за моими реакциями на ее слова.

– Но Женич ведь всегда был влюблен в Полину!

– Женич был влюблен в Полину несколько лет, абсолютно не взаимно.

– И нашел утешение у Даши, хочешь сказать?

– Вроде того. Их роман продолжался недолго, разумеется: по большому счету, общего у них совсем немного. Она его бросила где-то через год, но ему это, действительно, помогло излечиться от несчастной любви к Полине. По крайней мере, он нашел в себе силы жениться.

– А когда это было?

– На третьем курсе, кажется. Я не помню уже, где они пересеклись, но роман развивался стремительно. Странно, что ты о нем не знала. Хотя ты тогда сама была по уши влюблена...

– И как долго они общались? – Поспешно спросила я, чувствуя, что краснею, и стремясь поскорее уйти от опасной темы.

– Около года.

– Не так уж и мало. А как Полина на это реагировала?

– На ЭТО Полина не реагировала никак: где Женич – и где Полина? Для нее было важно только, чтобы Даша не появлялась на горизонте у мужчин, которые интересовали ее саму.

– А как такое возможно? Ведь они же подруги.

– Полина прекрасно умеет разделить свою жизнь на отсеки: в одном – школьные подруги, в другом – семья, в третьем – друзья семьи, в четвертом – подруги, приобретенные во время модельной карьеры. Разделение, конечно, условное, но поверь: она этот прием применяет постоянно и очень эффективно.

– Ну уж Полине-то беспокоиться по поводу соперниц просто смешно. Быть красивее нее просто невозможно.

– Полина – снежная королева. Невероятно красивая. Но сексуальности в Дашке было намного больше, как ты сама наверняка знаешь. Всякое возможно, и Полина это неплохо понимала.

Внезапно я вспомнила, что насторожило меня в тот день, когда увидела их всех впервые после долгого перерыва.

– Мне показалось, или Полина игнорировала Дашу на встрече выпускников? Они были в ссоре?

Лиза взглянула на меня с интересом:

– А ты наблюдательна, надо признать. Впрочем, это стало понятно уже по тому, как быстро ты вычислила Дашину беременность. Они не то, чтобы поссорились, но некоторое напряжение между ними, действительно, появилось. И возникло оно именно тогда, когда Полина изменила своим жестким принципам и познакомила нас с Дашей со своим мужем.

– Ты хочешь сказать, что ему понравилась Даша? Или он ей понравился?

– Даша, по крайней мере, считала, что она ему понравилась. Во всяком случае, она мне так сказала.

– Но вряд ли между ними что-то произошло: Полина бы не допустила.

– Я тоже сомневаюсь, однако Полину что-то насторожило, хотя и не сразу. Некоторое время она приглашала нас с Дашей на разные мероприятия, где присутствовал и ее муж, но через пару месяцев закончила эту практику, а заодно и почти перестала общаться с Дашей. Без скандалов и ссор, очень спокойно, но уверенно.

– И тем не менее, она приехала на похороны, да еще и с мужем.

– Естественно: Даша больше не опасна для ее отношений с мужем, если вообще когда-нибудь представляла угрозу. Я, конечно, ничего не знаю наверняка, но то, что Полина одно время ревновала мужа к Даше – факт.

– Это твоя догадка, или Полина тебе что-то рассказывала?

Лиза на мгновение замаялась, как будто взвешивала варианты ответа и их последствия. Вот уж кто никогда не проговорится, если сам не захочет.

– Слушай, а почему тебя это интересует?

– Потому, что так устроен мой мозг. Если я чего-то не понимаю, мне не будет покоя, пока не разберусь в вопросе.

– И чего ты не понимаешь?

Мне нужно было принять решение, рассказать ли ей о Дашином неожиданном интересе к генетике или оставить свои предположения при себе. Я, конечно же, хотела получить ответы на свои вопросы, и прекрасно понимала, что Лиза вряд ли будет делиться своими знаниями бескорыстно, если есть возможность обменять их на встречную информацию. Но слишком уж скользкой казалась тема, а Лиза... Лиза никогда не была мне близка.

– Да просто есть некоторые неувязки. – Мой ответ прозвучал почти так же грубо, как прямое «не твоё дело», но когда я почти с вызовом повторила свой вопрос, она на него почему-то ответила.

– Да, Полина как-то пожаловалась... нет, скорей не пожаловалась, а раздраженно заметила, что Дашка вьется вокруг Марата. Хотя, если честно, я не очень себе представляю, как бы она это делала. Вне совместных встреч, где присутствовали они оба, Марат вряд ли был для нее доступен, а кокетничать перед носом у Полины не решилась бы даже такое безбашенное существо, как Даша.

– А тебе Даша рассказывала что-нибудь? – сделала я еще одну попытку, но лимит Лизиних откровений, был, видимо, уже исчерпан. Она эффективно свернула разговор и засобиралась домой.

Мы расстались у входа в ресторан, Лиза скользнула в небольшой, лаконично-элегантный мерседес, а я, удерживая ручку зонта между плечом и шеей, неуклюже прикурила сигарету, перехватила зонт и отправилась в сторону метро. Ветер подхватывал холодную мокрую взвесь и взвивал ее так, что она то и дело липкой пленкой ложилась мне на лицо. Нахлобучив зонт почти на голову, я старалась держаться ближе к стенам домов, чтобы защититься от порывов ветра. Желто-оранжевый свет фонарей множился и растворялся в темных лужах. Теплая, сухая, рыжая осень, осень цвета Дашиных волос, ушла безвозвратно.

В воскресенье, как и обещал, приехал Женич. На удивление, он не передумал. Мы встретились с ним в «Шоколаднице» на Чистых прудах, что было одинаково неудобно и мне, и ему. Но что поделаешь, если его Пушино и мое Гольяново расположены в прямо противоположных

направлениях от центра Москвы. Любитель ранних утренних подъемов, Женич упросил меня встретиться в одиннадцать, что было невыносимо рано для моих суббот. В отместку я позволила себе опоздать. Как приятно, оказывается, приходиться на встречу последней.

Женич сидел возле окна, по обыкновению взъерошенный, и его бесконечные ноги выглядывали с противоположной стороны столика. Он был без очков, а потому увидел меня лишь тогда, когда я случайно зацепила ножкой стула его кроссовок. Женич вздрогнул и поспешно вылез из-за столика, чтобы поприветствовать меня. Впрочем, он не сделал попытки ни по-дружески приобнять, ни хотя бы формально пожать мне руку. С тем же успехом он мог оставаться и за столом.

Женьке явно было не по себе, но я, как ни странно, чувствовала себя неплохо: тайное знание о его коротком романе с Дашей как будто давало мне власть над ним. Мне не хватило времени на завтрак, поэтому я со вкусом листала меню, предвкушая громадную чашку кофе и какой-нибудь неприлично калорийный десерт, блинчики с шоколадом, например. Когда к нам подошла официантка, я с интересом обсудила с ней сравнительные преимущества шоколадного и ванильного сиропа к кофе латте, а Женич поспешно заказал первый попавшийся в меню чай и сырники. Лишь после того, как нам принесли заказанное, и я с упоением погрузила лицо в чашку, он отважился сформулировать свой вопрос.

– Так почему тебя интересует, о чем меня спрашивала Даша?

Я медленно поставила свой кофе на столик и внимательно уставилась в его серые, чуть прищуренные близорукие глаза.

– Мне будет легче ответить на твой вопрос, если ты подробно расскажешь мне, о чем вы говорили с Дашей. Пока я даже не могу четко сформулировать свои мысли.

– Ну хорошо. Она поинтересовалась, каким образом получилось, что она одна в семье рыжеволосая. Я объяснил, упрощая, конечно (конечно: как еще генетик мог объяснять Даше законы наследственности?), что ген рыжих волос – рецессивный. Ребенок может родиться рыжим, только если он унаследовал этот ген от обоих родителей. Я расспрашивал ее о бабушках, дедушках, прабабушках, прадедушках, и она вспомнила, что кто-то из ее предков был рыжим. Интересовалась, какого цвета могут быть волосы у ребенка, рожденного от темноволосяго и рыжего родителей, от светловолосого и рыжего. Еще спрашивала то же самое про цвет глаз: какие будут глаза у ребенка, если один родитель кареглазый, а другой сероглазый, если оба сероглазые, если у одного голубые глаза, а у другого зеленые...

– А ты что отвечал?

– Ну что отвечал? Объяснял, каким образом высчитывается вероятность того или иного цвета, даже схемы ей чертил.

Я вспомнила, что Женич, действительно, писал что-то на бумажной салфетке во время нашей встречи. Тогда мне показалось, что он записывал номер телефона, потому что Даша потом положила исписанную салфетку в сумку.

– Ты думаешь, она спрашивала все это из-за ребенка? – осторожно спросил он.

Я молчала, сосредоточенно глядя в чашку. Мысль, которая зародилась уже давно, приобрела более отчетливые формы после разговора с Лизой, однако мне было непонятно, что с ней делать дальше. Звонить Швецову пока было не с чем, а собственные возможности узнать что-то новое я, кажется, уже исчерпала. Мне нужен был союзник, но очень сомнительно, чтобы Женич подходил для этой роли. С другой стороны, очень сомнительно, что у меня вообще могут быть союзники в таком деле.

– Сонь, ты чего? – с сомнением произнес притихший Женька, видимо, удивленный моим затянувшимся молчанием.

– Слушай, Женич, то, что я скажу, может показаться полным бредом. Более того, оно может и оказаться полными бредом, но факт остается фактом: Дашу кто-то убил. Существует вероятность, что ее убил посторонний, какой-нибудь маньяк, но честно говоря, я не очень в

это верю. Как ни ужасно все это звучит, но более вероятно, что убийство совершил кто-то, кто ее знает. Умышленное или непредумышленное – сложно сказать, но оно не случайное.

– Почему? – внезапно севшим голосом произнес Женич.

– Что ей было делать в громадном и довольно диком парке вечером, в темноте, в одиночестве? Я, конечно, не очень хорошо ее знала, но мне кажется, что одинокие прогулки на природе совершенно не соответствовали ее характеру. Женька открыл рот, чтобы что-то сказать, но я прервала его жестом поднятой ладони. – Даже если, забеременев, она полюбила здоровый образ жизни...

Я осеклась.

– Ты чего? – Вновь спросил Женич, лексикон которого заметно оскудел за время разговора.

– Слушай, я не спросила следователя, как она была одета.

Умный Женич моментально все понял.

– Думаешь, по одежде можно понять, ходила ли она на спортивную прогулку или с кем-то встречалась?

– Кунцевский парк, конечно, не лес, но, скорей всего, она не пошла бы туда гулять в той одежде, в которой тусуется в городе. Я попробую спросить у Швецова, хотя не уверена, что он мне что-то расскажет, конечно. В любом случае, Женич, вероятность того, что она знала убийцу, достаточно высока.

– Согласен, но причем тут законы наследования?

– При том, что ее интерес к ним был вызван не праздным любопытством, а совсем другими соображениями, связанными с будущим ребенком. Возможно, он был не от мужа, или она считала, что он не от мужа. И Даша пыталась понять, есть ли у нее шансы скрыть от мужа этот факт, то есть будет ли ребенок похож на нее или на биологического отца.

По несчастному выражению Жениного лица было очевидно, что ему уже давно ясен вектор моих размышлений. Тем не менее, он предпринял неубедительную попытку опровергнуть мои домыслы, которую я бестрепетно прервала:

– Жень, это вполне вероятно в случае Даши, ты же ее знаешь.

Женькина физиономия приобрела болезненно пунцовый оттенок, и я тут же пожалела о своих словах, однако мне нужно было, чтобы он отбросил неуместное рыцарство и застенчивость и начал, наконец, думать. Потому что без его помощи моя затея гарантированно провалится.

– Допустим, ты права. – Выдавил из себя пунцовый Женич. – Если идти дальше, то что из этого следует? Что муж как-то об этом узнал и убил ее в порыве ярости?

– Такое возможно. Но возможно также, что она сказала о своей беременности отцу ребенка, а тот испугался огласки и скандала в собственной семье, если он женат. Или она рассказала жене отца, и та убила ее в состоянии аффекта. Огреть кирпичом по голове вполне способна и женщина. А может, и не в состоянии аффекта, а совершенно осознанно, чтобы раз и навсегда разобраться с соперницей и потенциальным наследником – будущим ребенком.

Женич смотрел на меня как человек, впервые познакомившийся с настоящим злом в мире, который всегда казался ему дружелюбным и безмятежным.

– Может, тебе стоит рассказать об этом следователям?

– Следователям мне пока нечего сказать: версия высосана из пальца, на основании одного только твоего разговора с Дашей. Для того, чтобы предложить ее Швецову, нужно еще кое-что выяснить. Только это непросто, потому что мне нужно будет пообщаться с людьми, с которыми у меня нет никаких объективных поводов для общения.

– Сонь, а зачем ты влезает в эту историю? Она ужасна, но она не твоя. Зачем тебе это надо?

Я вздохнула: самой бы знать ответ на этот вопрос. Конечно, мне было невыносимо жаль Дашу и хотелось избавиться от назойливых кошмарных снов, но вряд ли причина заключалась только в этом. Стоит ли объяснять Женичу, что во время учебы на юрфаке я больше всего любила уголовное право, криминалистику, криминологию и криминальную психологию? Я с самого начала знала, что буду сидеть в офисе и заниматься корпоративным правом, но в мечтах была судебным адвокатом по уголовным делам. И сейчас, несмотря на весь ужас случившегося, чувствовала себя как рыба в воде. Нет, рассказывать об этом Женьке – не лучшее решение.

– Понимаешь, Женич, мне кажется, что какие-то вещи проще узнать в своем кругу, без официальных вопросов-допросов. Чтобы ускорить процесс раскрытия преступления. Я успела подружиться с Дашей за последнее время, друзей у меня практически нет, и ее потеря – трагедия. Моя личная трагедия, понимаешь? Я хочу, чтобы убийца был найден.

– Надеюсь, ты осознаешь, что если это было неслучайное убийство, то, пытаясь выяснить его причины, тыходишь в зону риска?

– Вряд ли мне удастся подойти так близко к раскрытию преступления. Но, разумеется, я не пойду к людям с плакатом: «Ищу мотивы убийства Дарьи Пашковской». А если ты мне поможешь, то все вообще можно сделать очень гладко.

Женич заметно насторожился:

– Ты и меня хочешь впутать в свою сомнительную авантюру?

– Тебе практически ничего не придется делать.

– А зачем я тебе тогда?

– Для легенды. Мне нужно найти предлог для общения с Полиной. Как ты понимаешь, мы не общались с ней ни в школе, ни после, и у меня нет никаких причин искать с ней встречи. Но я могу быть человеком, который старается для друга, то есть для тебя. Ты ее увидел на встрече, заново влюбился и хочешь просто пообщаться, чтобы закрыть детский гештальт.

Женькина физиономия вновь пошла пунцовыми пятнами, у него покраснели даже уши. Он замахал руками и яростно замотал головой.

– Ты соображаешь, что говоришь?! У меня семья вообще-то – это раз. И ни в кого я не влюбился ни заново, ни впервые – это два. Но даже если бы первых двух пунктов не было, то был бы третий: уж точно я не просил бы тебя выступать в роли сводни. Не могла придумать ничего поумнее?

– Нет, к сожалению: какой бы глупой ни была эта легенда, но других предлогов навязаться Полине у меня нет. Либо говорить вот это, либо правду.

– Кстати о правде: а зачем тебе вообще навязываться Полине? Что такого ты хочешь узнать? Неужели ты думаешь, что если придишь к ней со всякими глупостями, она тут же выложит все секреты? И что это за секреты?

Я замялась – и Женич это заметил. Наклонившись над столиком так, что его лицо вплотную приблизилось к моему, он произнес, чеканя каждое слово:

– Подожди-ка: ты хочешь меня использовать в такой неприглядной роли и при этом не собираешься делиться со мной своими домыслами?..

Именно этого я и хотела, конечно, но поняла, что такой возможности у меня не будет.

– А если я скажу, ты согласишься?

– Иди к черту со своим котом в мешке. – Он откинулся обратно на свой стул и прикрыл глаза, словно в изнеможении.

Я невольно хмыкнула.

– Ну ладно, решай как знаешь. – Опустив глаза, я поводила пальцем по столу, для решимости. Женич безмолвно ждал продолжения. – В общем, Лиза сказала мне, что Полина ей жаловалась, что Даша, по ее выражению, «вьется» вокруг ее мужа.

Жене понадобилось несколько секунд, чтобы осмыслить услышанное.

– То есть ты считаешь, что между Дашей и этим, как его? Маратом? Между ними что-то было, и ребенок может быть от Марата?..

Я молча кивнула, ежась от смущения. Одно дело – играть такими мыслями в голове, а совсем другое – озвучивать их критически мыслящему человеку. Мне вдруг показалось, что я несу полную ерунду, однако Женич, как ни странно, воспринял мои домыслы серьезно.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.